

Понедельник, 4 июля, встретил Гарри оглушительной какофонией праздничного шума. По всей Филадельфии кипела жизнь, готовясь отметить День Независимости. Гарри, обычно с удовольствием присоединяющийся к всеобщему веселью, в этот раз был не в духе. Недавняя "беседа" с Сириусом и Ремусом, начавшаяся с безобидной фразы: "Прежде чем вы начнете злиться, позвольте мне отметить, что я всё ещё жив", оставила в его душе глубокий шрам. Перечисление всех моментов, которые следовало бы расценивать как сигналы к отступлению, не уняло их ярость, особенно после рассказа о тринадцатой главе "О борьбе с тёмными силами на Земле и за её пределами", где речь шла о джерсийском дьяволе и его жутких охотничьих привычках. По словам Крейна, этот демон предпочитал поедать жертву живьём, выедавая все внутренности. Одно это откровение могло бы стать причиной возвращения Гарри в Лондон, если бы Сириус и Ремус были рядом. Но они, занятые охотой на Петтигрю, просто установили новое правило: любые поездки Гарри теперь должны были сопровождаться тщательным изучением всех опасностей и убеждением двух старших мужчин в его безопасности. Это ограничение не слишком беспокоило Гарри, он и сам решил быть осторожнее. В Америке, дикой и опасной, он был один, и не всегда кто-то мог присмотреть за его спиной. Но всё же было неприятно, что этот инцидент, казалось, подорвал доверие Сириуса и Ремуса к его суждениям. Отбросив мрачные мысли, Гарри, получив от Хедвиг несколько дружеских похлопываний по голове, встал с постели. Последний день в Филадельфии (завтра после обеда он отправлялся в Висконсин) начался с яичницы с беконом в буфете гостиницы. Затем Гарри вернулся в номер и углубился в чтение "Крейна", отработывая между делом простые заклинания. Боевые упражнения были отложены до лучших времен. Лишь после обеда Гарри почувствовал желание выйти на улицу. Около полудня он отправился в Чайнатаун и зашёл в небольшой ресторанчик. Потягивая рутбир после "Ланч Специал № 13", он заметил зоомагазин, явно обладающий магическими свойствами. Обычно глаза просто скользили мимо подобных заведений, но не в этот раз. Гарри, щедро оставив чаевые, перешел улицу и вошел в "Филадельфийский магазин магических животных и товаров для животных". Здание в стиле XIX века не выделялось на фоне других магазинов в Чайнатауне, но всё же отличалось от обычных, обслуживающих магическое сообщество. Звон колокольчика на двери возвестил о его появлении, и Гарри огляделся. Магазин был втрое больше "Волшебного зверинца" на Диагон-аллее, где Гермиона купила Крукшенка. Ассортимент тоже казался богаче, а вывески, развешанные по всему магазину, обещали доставить по заказу даже редких существ. Внутри было чище, чем в британском аналоге, и несколько служащих суетились, кормя животных и общаясь с покупателями. Гарри миновал совиный отдел (Хедвиг была верным и надежным почтовым питомцем, к тому же ему не нужна была ещё одна сова), и сразу же обошёл клетки с обезьянами. Их хитрые морды слишком уж напоминали статую Салазара Слизерина в Тайной комнате. К тому же Гарри не хотелось бегать по гриффиндорской башне, извиняясь за проделки домашней обезьянки. Он также проигнорировал клетки с кошками и крысами. За последний год он порядком устал от этих животных: кошки вызывали у Гермионы нервно-психические приступы, а крысы напоминали о вероломном Петтигрю. Вскоре он наткнулся на ряд террариумов с земноводными и пресмыкающимися. Здесь были лягушки и жабы разных размеров, от дюйма до фута в длину. Некоторые, как утверждалось, обладали способностями, которые затмили бы славу жабы Невилла Тревора, чьей единственной магической силой, похоже, была способность убегать от своего хозяина. Как только взгляд Гарри упал на змей, он понял, что, скорее всего, покинет магазин с одной из них. Он принялся взвешивать все за и против. С одной стороны, в магической Британии змей считали не заслуживающими доверия, а тех, кто умел с ними разговаривать, часто рисовали в образе потенциальных тёмных властелинов. С другой стороны, его парселмутская способность уже была известна, так что терять на этом фронте было нечего. К тому же, домашнее животное, с которым можно было бы общаться, было бы просто замечательно. Как бы он ни любил Хедвиг, она не могла с ним разговаривать, а Гарри, по правде говоря, был одинок. Идея иметь друга, с которым не нужно было бы делиться ни с кем, ему очень понравилась. Возможно, самым важным было то, что

наличие змей стало бы заявлением: он - Парселмут, и ему было всё равно, что думают по этому поводу другие. Он устал доказывать, что не тёмный волшебник. Гарри осматривал змей, пытаясь решить, кого выбрать. Среди них были несколько кобр, чёрная мамба и удав. Все они шипели, призывая его выбрать именно их, а не других. Но одна змея, в глубине большого террариума, выделялась на фоне остальных. Темная гремучая змея с характерным рисунком - единственная, которая практически не умоляла выбрать её и накормить жирными мышами, - подняла треугольную голову и пристально посмотрела Гарри в глаза. — Ты не хочешь стать избранным, гремучая змея? — прошипел Гарри на парселтанге, достаточно тихо, чтобы никто из посетителей и персонала не услышал. Все змеи в террариуме замерли — это было почти невероятным, что человек может говорить на их языке. После долгого молчания, змея ответила:— Я знаю, что могу предложить тебе, — прошипела она. — Я могу скользить незаметно, охранять твои тайны и убивать твоих врагов. Ты не сделал мне никакого предложения. Гарри снова посмотрел в глаза змее.— У тебя здесь есть постоянный запас пищи, но я могу позволить тебе охотиться. У тебя есть теплый камень, но я могу предложить тебе солнце. У тебя есть стеклянные стены, но я могу предложить тебе свободу. Все, что мне нужно, — это твоя верность. Наступило долгое молчание, прежде чем гремучая змея опустила голову в подобии покорного поклона и ответила:— Ты получишь ее, хозяин.— У тебя есть имя, змея? — спросил Гарри.— Змеям не нужны имена, разве что людям, — ответила змея. — Если ты хочешь быть моим хозяином, ты должен дать мне имя.— Пойдем со мной, — сказал Гарри. — И я дам тебе охоту, солнце, свободу и имя. Гарри улыбнулся, поднял крышку террариума и позволил гремучей змее вскарабкаться к нему на плечи. Он вызвал множество недоверчивых взглядов со стороны других покупателей, и даже кассирша, принимавшая у него деньги, выглядела более чем обеспокоенной. Гарри это не волновало: выходя из магазина, он вспомнил о флаге, который он видел на площади Независимости перед отъездом в Сосновые болота в пятницу днем. Иронично, подумал он, что англичанин, оказавшийся в Филадельфии 4 июля, выбрал в качестве спутника первый символ независимости от Британии; несмотря на это, тот же символ точно описывал всю основную цель его поездки в Америку. На первый взгляд, конечно, он ехал сюда учиться быть анимагом, но это было лишь проявлением истинной причины поездки, которая заключалась в том, чтобы дать ему возможность хоть раз вырваться из-под ига Дамблдора и Дурслей, расправить крылья и вдохнуть свободный воздух. С треском провалившись в темноту, он вернулся в свой номер. Он положил гремучую змею на кресло перед окном, где она тут же свернулась калачиком и зажужжала, явно наслаждаясь тем, как солнечные лучи греют ее чешую. Наконец, он прервал молчание, в котором пребывал, обдумывая столь тяжёлые мысли.— Я решил, — прорычал Гарри. — Твое имя — Гадсден. Гарри провел остаток дня, рассказывая Гадсдену о своей жизни в Британии и о планах на лето. К тому времени, когда Гадсден вошел в курс дела, настало время ужина; для Гарри это означало пиццу и колу, а Хедвиг и Гадсден получили по живой мышке. Гарри был рад, что Гадсден дал мышке немного побегать, прежде чем выследить и убить её; если бы ему пришлось слушать её шипящие возгласы восторга по поводу "хлюпающей сочной мышкИ", пока он ел, у него бы пропал аппетит. После ужина Гарри вышел на улицу, следуя за потоком людей, направлявшихся к хорошим смотровым площадкам, чтобы увидеть фейерверк. Прибыв на место, он аппарировал на крышу соседнего здания, чтобы иметь лучший обзор, как раз к началу первого залпа. Вспышки цвета и взрывы звука (под исполнение нескольких популярных и известных американских песен, включая национальный гимн) позволили Гарри провести большую часть вечера, наслаждаясь сиянием фейерверка. Около 22:00, когда Гарри был уже под впечатлением от шоу, но слишком устал, чтобы оставаться на улице, он вернулся в свою комнату, почистил зубы и забрался в постель, заснув почти сразу же, как только его голова коснулась подушки.